

«Мекканское соглашение»: геополитическая динамика и стратегические вызовы нового альянса

Комментарий Центра АРВАК, 12.08.2026

Аннотация

АРВАК анализирует подписание «Мекканского соглашения» (07.08.2026) – трехстороннего пакта о создании военно-политического союза между Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном. Рассматривается эволюция проекта «суннитской оси» от инициативы, поддерживаемой американо-израильским тандемом, к самостоятельному геополитическому конструкту. Раскрываются стратегические цели участников по переформатированию архитектуры безопасности региона, анализируются риски, связанные с потенциальным противодействием со стороны внешних игроков, и оцениваются перспективы формирования нового полюса влияния, способного проводить независимый курс в условиях глобальной турбулентности.

Ключевые слова: Мекканское соглашение, суннитская ось, суннитское НАТО, Турция, Саудовская Аравия, Пакистан, региональная безопасность, геополитическая архитектура, Передняя Азия, коллективная безопасность, военно-политическая интеграция.

1. «Мекканское соглашение» и институционализация нового альянса

07.08.2026 г. в Мекке лидеры Саудовской Аравии, Турции и Пакистана – наследный принц Мухаммед ибн Салман Аль Сауд, президент Реджеп Тайип Эрдоган и премьер-министр Шахбаз Шариф – закрепили своими подписями трехсторонний пакт о создании военно-политического союза.

Широкий медийный резонанс вынудил официальные лица 3-х государств публично преуменьшать значение этого соглашения. Подобная сдержанность вызвана стремлением сгладить сложный информационный фон и минимизировать риски противодействия со стороны мировых держав, которые видят в новом блоке вызов собственным интересам. В частности, турецкий вице-президент Джевдет Йылмаз поспешил заверить, что документ носит сугубо оборонительный характер и не направлен против третьих сторон. Схожим образом высказался и заместитель главы МИД Саудовской Аравии Раид бин Халид Кримли, подчеркнув, что пакт «не имеет цели создать военную ось или какой-либо блок». Однако, вопреки официальной риторике, аналитическое сообщество практически единогласно сходится во мнении: речь идет о формировании полноценного военно-политического альянса, призванного коренным образом переформатировать архитектуру безопасности в Южной Азии и на Ближнем Востоке.

Хотя официальный текст договора, получившего наименование «Мекканское соглашение», все еще не опубликован в открытом доступе, по сведениям международных массмедиа, его центральный пункт закрепляет принцип коллективной безопасности. Любое вооруженное нападение на одну из договаривающихся сторон будет расценено как агрессия против всех участников альянса, что легитимизирует задействование любых мер и средств для оказания военной взаимопомощи. Дополнительно соглашение фиксирует курс на углубление оборонно-промышленной интеграции: государства намерены осуществлять взаимные поставки и безвозмездную передачу вооружений, обеспечивать трансфер технологий и вести совместные разработки в сфере ВПК. В частности, упоминаются планы Анкары привлечь Саудовскую Аравию и Пакистан к программе проектирования и серийного выпуска новейшего турецкого боевого самолета KAAN.

2. Генезис «суннитской оси»: от «суннитского НАТО» к стратегической автономии

Подписание «Мекканского соглашения» не стало неожиданной новостью. Впервые о подготовке Эр-Рияда, Анкары и Исламабада к созданию тройственного союза, негласно получившего название «суннитская ось» или «суннитское НАТО», международные СМИ громко заговорили в начале января 2026 года.

В своей [публикации](#) от 10.01.2026 г. («Союз Турции, Саудовской Аравии и Пакистана на фоне волнений в ИРИ») Центр АРВАК допустил, что предварительные консультации заинтересованных государств по формированию суннитского военно-политического блока стартовали задолго до зимы 2025–2026 гг. Однако данный процесс заметно ускорился на фоне прогнозируемой новой атаки со стороны США и Израиля против Ирана. Руководство в Исламабаде, Эр-Рияде и Анкаре строилось с расчетом на неизбежное падение «теократического шиитского режима» и потенциальное начало гражданской войны. Подобные ожидания обусловили необходимость экстренного форсирования союзнического проекта, нацеленного как на эффективное предотвращение рисков, связанных с распадом ИРИ, так и на латентную подготовку к разделу «иранского наследства».

3. Смена курса США и эрозия американо-израильского доминирования

Опубликованная в декабре 2025 г. «Новая стратегия национальной безопасности США» также, по-видимому, выступила катализатором для ускорения переговорного процесса. Ее ключевое концептуальное положение фиксирует смену курса Вашингтона: переход от «либерального интервенционизма» в глобальном масштабе и в Передней Азии к «многоуровневому делегированию» полномочий региональным партнерам. Таким образом, создание тройственного союза исламских государств было обусловлено стремлением обеспечить устойчивый баланс безопасности в обширном регионе в условиях анонсированного сокращения американского военного присутствия.

В [публикации](#) от 01.05.2026 г. («Геополитическая архитектура и стратегические детерминанты «Суннитского НАТО») АРВАК провел детальный анализ мотивации крупнейших исламских стран по созданию альянса, с учетом того фундаментального обстоятельства, что, вопреки ожиданиям, иранский «теократический режим» не был смещен и Исламская Республика Иран избежала гражданской войны, а в США до настоящего времени не выказывают признаков ослабления своего военного присутствия на Ближнем Востоке.

Несмотря на то, что региональные процессы пошли вопреки первоначальным прогнозам, формирование «суннитского НАТО» не было приостановлено. Это явно указывает на стремление Анкары, Исламабада и Эр-Рияда проводить курс, независимый от геополитических планов Вашингтона, и довести до конца формирование суннитского центра влияния без оглядки на позицию Соединенных Штатов. Судя по всему, ведущие исламские государства воспользовались конфликтом между американо-израильской коалицией и «шиитской осью» во главе с Ираном, чтобы убедить Тель-Авив и Вашингтон в стратегической целесообразности поддержки данного альянса.

Обоснованность данной версии подтверждается циркулирующими в последнее время в глобальном информационном пространстве данными о глубоких исторических корнях инициативы по формированию *«суннитской оси»*, а также о непосредственной роли Соединенных Штатов и Израиля в этом начинании. В частности, по каналам иранских массмедиа была распространена видеозапись от 2012 года, запечатлевшая признание экс-руководителя израильского ведомства «Шабак» (в период 1996–2000 гг.) адмирала Ами Аялона. Из его слов следует, что именно Тель-Авив выступил генератором идеи создания *«суннитской оси»* с целью конструирования эффективного регионального заслона против *«шиитской угрозы»*, олицетворяемой Ираном. Синхронно с этим были обнародованы фрагменты из прежних речей президента Турции Р. Т. Эрдогана, где акцентировалась обязанность суннитских государств обеспечивать безопасность Израиля. Данные свидетельства со всей очевидностью демонстрируют глубокую вовлеченность США и Израиля в стимулирование внутриконфессионального раскола в мусульманской среде, практическим проявлением чего и стала программа структурирования суннитского партнерства.

Впрочем, указанные обстоятельства не исключают того, что проект *«суннитского НАТО»*, первоначально запущенный Израилем при прямом содействии США, в дальнейшем перестал интересовать Тель-Авив и Вашингтон или вовсе был признан ими ошибочным стратегическим шагом. Тем не менее, это не стало препятствием для суннитских государств, которые продолжили начатый процесс военно-политической интеграции уже собственными силами.

В Практика показывает, что в сфере геополитики вечные константы отсутствуют. Динамика глобальных процессов и перманентная изменчивость ситуации в таком сложном регионе, как Ближний Восток, регулярно приносят неожиданные трансформации. Изменение приоритетов региональных игроков и выработка новых формул баланса сил во многом обусловлены неоднозначными последствиями «Арабской весны», снижением роли углеводородных ресурсов в структуре мировой энергетики, а также возрастающим значением сухопутных трансевразийских транспортных путей. В этой новой реальности Передней Азии американо-израильский тандем, вероятно, усомнился в однозначной выгоде от появления суннитского центра влияния. Более того, создание подобного полюса могло быть воспринято Вашингтоном и Тель-Авивом как прямой вызов их региональному доминированию.

Представляется, что *«шиитская угроза»* государству Израиль и интересам США в регионе в значительной степени была преувеличенной, а суннитские государства, которые изначально рассматривались как основа для антииранской коалиции, последовательно перегруппировали свои позиции, противореча стратегическому планированию Тель-Авива. Так, Турция не просто открыто ставит под сомнение доминирующую роль Израиля в Восточном Средиземноморье и Леванте, но и демонстрирует явные намерения отсечь себя от фарватера ближневосточной стратегии Вашингтона и Североатлантического альянса. Со своей стороны, Саудовская Аравия в условиях фактического руководства принца Мухаммеда ибн Салмана заняла гораздо более радикальную позицию по Палестинскому вопросу, встав во главе оппозиционного Израилю крыла в Лиге арабских государств (ЛАГ) и системно блокируя масштабирование платформы *«Авраамических соглашений»* на остальные

страны арабского мира. Египет, пока не присоединившийся к «Мекканскому соглашению», но обозначающий контуры своего будущего вхождения в «суннитскую ось», аналогично приближается к конфликтной точке во взаимоотношениях с Израилем из-за Палестины, одновременно выстраивая совместную с Турцией линию в Восточном Средиземноморье, Красном море и на Ближнем Востоке в целом. В то же время Пакистан сохраняет жесткое неприятие центральноазиатского курса США, углубляет разноразное партнерство с Пекином как главным глобальным оппонентом Вашингтона, а также регулярно выступает с предупреждениями в адрес Тель-Авива, декларируя готовность использовать ядерный потенциал для защиты исламских государств и движений, находящихся под ударом «экспансионистских» и «геноцидальных» шагов Израиля.

Характерно, что в обнародованном Ами Аялоном проекте «суннитского альянса» Пакистан изначально отсутствовал. Тем не менее, укрепив за последние два десятилетия двусторонние связи с Анкарой, Эр-Риядом и Каиром, Исламабад с января нынешнего года вошел в число ключевых претендентов на участие в блоке, закрепив этот статус подписью под «Мекканским соглашением». Такое расхождение наглядно указывает на то, что США и Израиль со временем утратили контроль над проектом. Для Вашингтона и Тель-Авива включение в «суннитское НАТО» исламской ядерной державы, демонстрирующей враждебность к еврейскому государству и напряженность в отношениях с США еще с 1990-х гг., выглядело нецелесообразным. Более того, после вывода советских войск из Афганистана и спада американского интереса, Исламабад последовательно переориентировал свой внешнеполитический и экономический курс на КНР. Таким образом, присоединение Пакистана к альянсу стало возможным лишь после того, как американо-израильский тандем был отстранен от процесса его создания.

Это дает повод ряду аналитиков предположить, что суннитские государства, в первую очередь Турция, с самого начала рассматривали инициативу Вашингтона и Тель-Авива не как инструмент противодействия искусственно раздутой «ишнитской угрозе», а сквозь призму долгосрочной стратегии. Ее конечной целью видятся вытеснение Соединенных Штатов из региона, устранение израильского присутствия и формирование в Передней Азии альтернативного многостороннего центра силы, способного суверенно контролировать местные ресурсы и транспортные коридоры, а также выстраивать собственную модель коллективной безопасности.

4. Смена ролей: Иран и Пакистан в новой региональной архитектуре

Еще с 1990-х гг. Турция выступала ключевым инициатором создания военно-политического блока исламских государств. Истоки данного замысла лежат в концепции «Милли Герюш» («Национальное видение»), разработанной основоположником турецкого политического ислама, экс-премьером Неджметтином Эрбаканом. В дальнейшем эта идея оформилась в геополитический проект ASRIKA (аббревиатура от **ASya** – Азия, **Rusya** – Россия/Евразия, **İKA** / **Afrika** – Африка), подготовленный центром стратегических исследований ASSAM. Данный центр, тесно связанный с современным руководством страны, возглавил отставной генерал Аднан Танрыверди – создатель первых турецких ЧВК, которые Анкара активно задействовала в Нагорном Карабахе, Сирии и на африканском континенте.

В рамках первоначальной концепции Н. Эрбакана предполагалась глубокая экономическая и оборонная интеграция мусульманского мира – с общим рынком, коллективной безопасностью и единой валютой (исламским динаром), что позволило бы избавиться от диктата со стороны США, НАТО и МВФ. Хотя по ряду субъективных и объективных причин этот план тогда остался лишь романтической утопией, пришедшие позже к власти последователи Эрбакана, включая действующего лидера Р. Т. Эрдогана, сочли возможным реализовать его на практике. Модифицированная доктрина была переориентирована на суннитский мир и коллегиальные принципы управления альянсом.

Обновленный и адаптированный под современные геополитические реалии проект нашел живой отклик у суннитских держав. Их интерес обусловлен уязвимостью в сфере безопасности, экономическими кризисами и неопределенностью долгосрочных перспектив в нестабильном регионе от Африки до Центральной Азии. С учетом этого Анкара увидела выгодную возможность воспользоваться антииранскими инициативами американо-израильского союза, чтобы вывести собственную интеграционную программу на уровень глобальной геополитической повестки.

Таким образом, падение интереса со стороны США и Израиля к данному проекту не помешало суннитским державам реализовать его в собственных интересах. Это вызывает закономерное беспокойство в Вашингтоне и в особенности в Тель-Авиве, в чем официальном лексиконе упоминания терминов *«шиитская дуга»* и *«шиитская угроза»* заметно сократились, уступив место таким формулировкам, как *«суннитская ось»* и *«суннитское НАТО»*.

Подписание «Мекканского соглашения» ознаменовало собой начальный этап практического воплощения идеи *«суннитского союза»*. Этот зарождающийся альянс объединяет внушительные ресурсы: совокупное население около 400 млн человек (почти 5% мирового показателя), регулярные войска численностью до 1 млн военнослужащих, пакистанский тактический ядерный арсенал, колоссальные финансово-энергетические резервы Саудовской Аравии и развитый промышленно-технологический сектор Турции. Особое значение имеет уникальное географическое положение государств-членов в ключевых геостратегических и логистических узлах Евразии. С учетом открытости блока для новых участников и возможного вступления 100-миллионного Египта, возникают реальные предпосылки для появления самодостаточного полюса глобального влияния, способного полностью переформатировать архитектуру безопасности на пространстве от Гибралтара до КНР.

Однако если в теории подобный сценарий выглядит реализуемым, то на практике объединению предстоит пройти крайне сложный путь. Объективные системные препятствия на пути формирования *«суннитского альянса»* как независимого геополитического конструкта Центр АРВАК уже подробно разбирал в [публикации](#) от 07.05.2026 («Системные противоречия и перспективы формирования «Суннитского НАТО»). В данном же случае необходимо сместить фокус на субъективные внешние факторы – проблемы и вызовы, которые неизбежно возникнут перед союзом вследствие целенаправленного противодействия со стороны американо-израильского тандема.

5. Стратегии сдерживания со стороны Вашингтона и Тель-Авива

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что Вашингтон и Тель-Авив попытаются либо установить многоуровневое влияние над формирующимся геополитическим блоком и направлять его внутреннюю эволюцию, либо прибегнут к радикальным шагам для ускорения распада этой пока еще нестабильной структуры. Главная цель данного тандема заключается в обеспечении полного контроля над происходящими процессами. Для этого они могут использовать внутренние разногласия между суннитскими государствами, а также укреплять внешние противовесы и механизмы сдерживания. Если же эффективное управление и сдерживание окажутся невозможными, США и Израиль постараются полностью разрушить этот альянс, который несет в себе прямую угрозу их региональному доминированию.

Таким образом, Вашингтон и Тель-Авив продолжают интенсификацию стратегического партнерства с Нью-Дели и продвижение макропроекта *ИМЕС*. Параллельно Белый дом может пойти на выработку принципиально новых подходов к диалогу с движением «Талибан» в Афганистане. Наряду с этим Соединенные Штаты предпримут попытки нарастить рычаги воздействия на Эр-Рияд: как через манипулирование гособлигациями США, составляющими базис зарубежных авуаров Королевства, так и путем давления по линии двусторонней «ядерной программы», соглашение по которой Вашингтон предусмотрительно зафиксировал всего за неделю до подписания мекканского пакта.

С одной стороны, Тель-Авив, по всей вероятности, сохранит нажим на Анкару в Сирии и Восточном Средиземноморье, начнет в тандеме с Вашингтоном интенсивно использовать «курдский фактор» и, не исключено, предпримет шаги по негласной глобальной поддержке РФ ради удержания ее стратегического веса на Кавказе и в Черноморском регионе. С другой стороны, Соединенные Штаты и Израиль способны инициировать давление на Брюссель с целью смягчения и либерализации параметров евроинтеграции для Турции. Такой шаг изначально ослабит внутривнутриполитический авторитет Эрдогана и спровоцирует разногласия среди турецких элит и граждан касательно дальнейшего вектора развития и цивилизационного выбора государства.

В целом, для сдерживания и контроля «суннитской оси» американо-израильский тандем располагает множеством путей. Пожалуй, наиболее неординарным шагом в этом направлении может стать прекращение конфронтации с «шиитской осью» и частичная «реабилитация» Исламской Республики Иран. Изначально Иран послужил поводом для конструирования «суннитского НАТО», однако теперь именно он видится самым эффективным естественным противовесом новому треугольнику силы в лице Анкары, Исламабада и Эр-Рияда. Подобный геополитический маневр гипотетически возможен, учитывая масштабные вызовы, с которыми сталкивается Израиль, и угрозу планам Вашингтона по сдерживанию Китая и сохранению собственного доминирования на Азиатском континенте.

Заклучение

Символично, что пакт суннитских государств был скреплен подписями именно в Мекке, олицетворяющей сплоченность мусульманского мира. В этих условиях Вашингтон и Тель-Авив вряд ли откажутся от возможности в очередной раз продемонстрировать, что подлинное единство в исламском мире недостижимо.